ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ

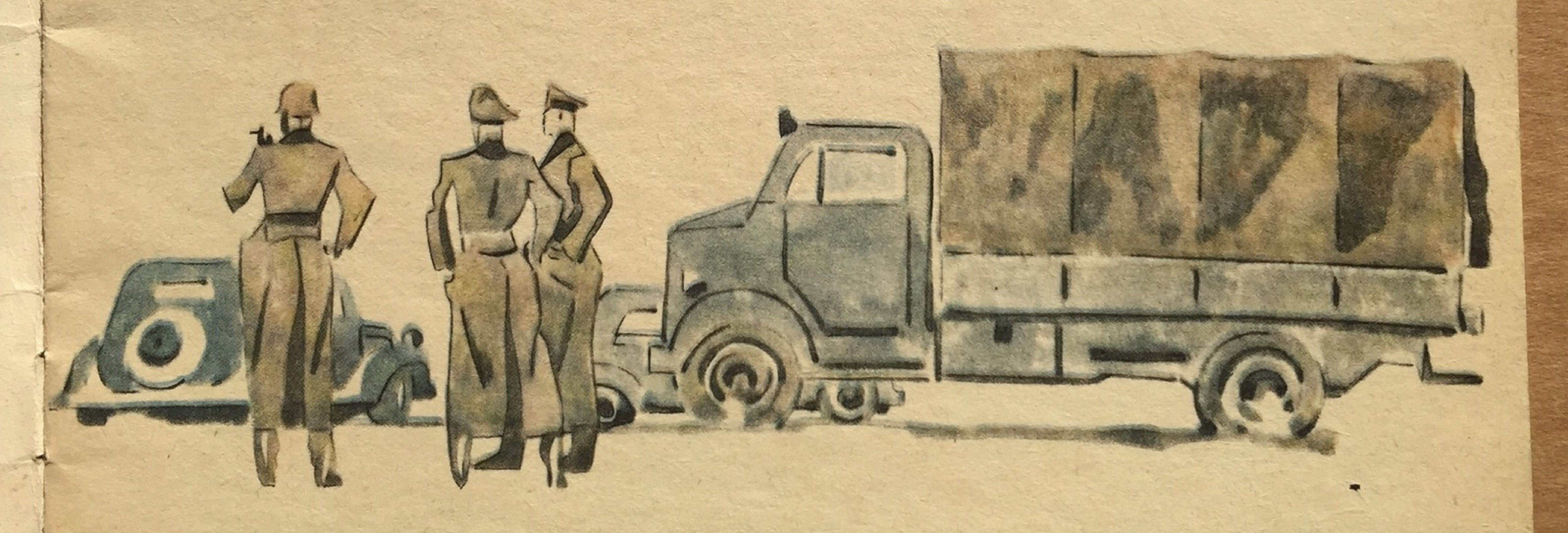
ЗИНА ПОРТНОВА

Г. НАБАТОВ

ЗИНА ПОРТНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · МОСКВА · 1979

Обольские подпольщики сходились обычно возле тридцатиметрового маяка, окружённого осинником и березняком, в полукилометре от деревни Ушалы. С востока сюда тянулось большое болото. Тропинка прямо по болоту вела к маяку.

Наблюдатели заметили, как незнакомая девочка свернула с дороги на эту тропинку. Предупредили секретаря комитета Фрузу Зенькову. Та улыбнулась.

— Это Зина Портнова. Мне говорил о ней связной райкома. Пришла-таки...

Члены комитета, не знавшие ничего про Зину, отнеслись к ней вначале немного настороженно.

«Будет мне с ней мороки», — подумала секретарь комитета, разглядывая маленькую девочку с косичками. Она попросила Зину рассказать о себе.

— Я из Ленинграда, — тихо сказала девочка. — Приехала на каникулы и вот застряла. У кого? У бабушки, в Зуях... — Она взглянула на ребят вопросительно. — Вы знаете мою бабушку, Ефросинью Ивановну Яблокову?..

Фруза, сдерживая улыбку, кивнула: «Знаем, мол, знаем, говори...»

— А училась я, — продолжала Зина, — в 385-й школе. За Нарвской заставой. Перешла в восьмой класс... — Она замолчала, вспоминая о чём-то, и глаза её вдруг помрачнели. — Да, зачем я пришла?.. Вы думаете, что я маленькая и ничего не вижу, не понимаю. Ошибаетесь! Я всё вижу. И понимаю. Всё, всё...

Она рассказала, что видела, как фашисты ограбили соседа, бывшего колхозного бригадира Евчука. Вышвырнули через окно одежду, обувь, бельё. Это для посылок... Дочка Евчука Шурка хотела кое-что спрятать. Грабители схватили её, втолкнули в машину и увезли.

— И меня могут так. Ни за что.

И ещё рассказала она про то, как гитлеровцы убили её дядю — Василия Гавриловича Езовитова. Он был обходчиком железнодорожного пути. Однажды его нашли между путями мёртвым. Его убил ефрейтор, ударив сзади по голове тесаком.

На глазах у девочки выступили слёзы, когда заговорила о военнопленных.

— В Оболь пригнали из деревни Плиговна-Спасская четырёх красноармейцев. У них нашли по куску хлеба. «Кто дал?» — допытывались солдаты в чёрных мундирах, их звали «Эс-эс». Красноармейцы молчали. Их били резиновыми палками, а они молчали. Замученных потащили к железнодорожному переезду и в овраге расстреляли...

Заключила Зина рассказ неожиданно фразой:

— Фашисты убивают, а я хочу жить... Ужас, как хочу.

— Всё равно как? — вскинула Фруза брови.

— Нет, как до войны. Только ещё лучше. И никаких фашистов! Как я их ненавижу!..

До войны мир представлялся Зине таким ясным, понятным, точно он лежал перед ней на ладони. Отец работал на Кировском заводе, мать тоже работала. Зина училась. Младшая сестрёнка вот-вот должна была пойти в школу. Дома, на Балтийской, всегда было людно, весело. По вечерам собирались папины товарищи, рассказывали про заводские дела и про гражданскую войну. А по воскресеньям Зина устраивала дома кукольный театр для всех малышей со своего дома.

И вот фашисты нарушили всё!..

«Где теперь радость, счастливая жизнь?! В Ленинграде блокада, голод... Рвутся бомбы, снаряды...»

Зина подумала об этом и медленно проглотила горький комочек, подкатившийся к горлу. Ведь в осаждённом Ленинграде остались папа и мама.

Зеньковой понравилась эта девочка, её решимость. «Вот скажи такой, что сделать, и она не остановится ни перед чем».

И всё-таки Фруза не спешила.

— Это хорошо, что ты пришла к нам, — заявила секретарь комитета. — Одной рукой, сама знаю, узла не завяжешь. Но... нынче время знаешь какое? Промахнёшься — голова с плеч! И товарищей под удар поставишь... Может, придётся жизнью рисковать.

— Знаю.

— Ну, а если... Если попадёшься. Будут бить, пытать...

— И об этом думала. Поверишь, ночью не засыпала. Всё думала, думала. И вот пришла... Я же пионерка.

— Дай ей задание, — заступился за девочку кто-то из членов комитета. — Испытай!

*

И она показала себя.

Поначалу комитет поручил ей распространять антифашистские листовки и газеты.

Зина работала на пару с другим подпольщиком, Женей Езовитовым. Они умудрялись приклеивать листовки на самых видных и людных местах. Женя был на голову выше Зины. Он шутя называл её «сестричкой-невеличкой». А она прозвала его «братом-великаном». Работали они дружно.

Как-то раз они отправились по заданию комитета в деревню Зуи разносить по хатам газеты, доставленные накануне связными из партизанского отряда. И каково было удивление секретаря комитета, когда она неожиданно встретила их вечером в другой деревне — Мостище.

— Почему вы здесь? — спросила Фруза.

Зина выпалила залпом:

— А мы уже всё сделали.

Глаза у девочки светились гордостью.

— Как вас встретили в Зуях?

— Очень хорошо, — ответила Зина и почему-то замялась.

— Что такое? — тревожно взглянула на неё Зенькова. — Говори.

— Заходим мы к леснику Василию Кузьмичу. Поздоровались. Поговорили о том, о сём. Выбрала я подходящую минуту, протягиваю ему газету. Он прочёл название и вернул усмехнувшись: «Меня, дочка, агитировать не надо. Я грамотный. Ребята уже позаботились». И достаёт из-за иконы газету «Звезда». Показывает нам. «Сходи-ка лучше к Трофиму Селезнёву, к бывшему бригадиру, в Мостище».

— И вы пошли?
— Конечно! Раз тебе дали задание, так действуй до конца.
— А что было у Селезнёва?
— Дали мы ему газету. Он прочёл вполголоса набранную крупным шрифтом строку «Смерть немецким оккупантам!» и чуть не обомлел. «Вот это да! Спасибо! — сказал он. — Сам прочитаю и другим надёжным людям дам прочитать».

*

Зину приняли в подпольную организацию.
Вскоре ей дали новое задание — узнать численность войск в местном гарнизоне. Действовать она должна была не одна, а совместно с Ильёй Езовитовым, братом Жени — смелым и озорным крепышом.
Илья и Зина продумали, как лучше собрать разведывательные данные.
— Узнать, какие стоят части, можно, если подслушать разговоры по радиотелефону, — высказал своё мнение Илья.
— А как подслушать? — полюбопытствовала Зина.
— Это я беру на себя, — твёрдо подчеркнул Илья. — В нашей избе помещается полевая радиостанция и телефон. В сенях лежат наши дрова. Я часто туда наведываюсь за дровами. Ежели приноровиться да не зевать, кое-что можно узнать. Но вот как установить, сколько солдат? О таких вещах военные по телефону не болтают.
— Знаешь, Илья, это я узнаю.
— Каким путём?
Зина озорно подмигнула:
— На площади в посёлке торфозавода два раза в неделю проводятся строевые занятия. Видел? Сгоняют почти всех солдат гарнизона. Вот я и сосчитаю.
— Идея, Зинка! — сразу загорелся Илья.
Так они и поступили.
Собрав нужные данные, Зина и Илья в назначенное время отправились в урочище. Перешли деревянный мост через небольшую речку, впадающую в Оболь, и, пройдя немного берегом, очутились на месте. Нашли высокую берёзу — условное место встречи со связным партизанского отряда.
— Ну, Илюша, взбирайся наверх, — скомандовала Зина. — Я тут подежурю.
Через несколько минут с вершины дерева раздался звонкий голос:
— Смотри, здесь большое гнездо.

Это был пароль.

— Не трогай, хлопец, гнезда. Я сейчас полезу к тебе, — ответил незнакомый голос.

Ветви кустов раздвинулись, и показался круглолицый мужчина, обросший бородой.

— Что, заждались?

Зина по локоть запустила руку в карман юбчонки и вытащила бумажку, сложенную вчетверо.

— Для начала неплохо, — сказал связной, медленно прочитав донесение. — Данные интересные. Только почерк вот неразборчивый. Будто курица набродила... Кто писал?

— Я писала, — тихо призналась Зина, виновато опустив глаза. — Спешила...

— Пиши, девочка, яснее. Нам некогда разгадывать твои ребусы... Ну, бывайте здоровы! Тороплюсь. Привет товарищам!

Связной исчез так же мгновенно, как и появился.

*

На всё требуется время...

Зина немного повзрослела, набралась опыта подпольной работы. И комитет решился доверить ей очень сложное и опасное дело.

Неподалёку от Оболи, в посёлке торфозавода, расположилась офицерская школа. Сюда съезжались на переподготовку из-под Ленинграда, Новгорода, Смоленска и Орла артиллеристы и танкисты фашистской армии. В Оболи от них просто не стало житья. Увешанные крестами и медалями, они были уверены, что им всё дозволено: насилие, разбой, грабёж.

Юные подпольщики Оболи задумали «наградить» фашистов новым крестом, только не железным, которым награждал Гитлер, а другим... берёзовым.

Зину устроили на работу в офицерскую столовую. Первое время Зина приходила домой совершенно обессиленная, едва добиралась до кровати. Шли недели, и девочка начала привыкать. Ей казалось, что спина уже не так ноет, как раньше, да и руки стали проворнее.

Немцам приглянулась русская девочка с косичками. «Дизе клейне медхен ист гут», — говорили они про Зину. Ей одной разрешали входить на кухню. Она носила воду, дрова. Зина готова была тащить на кухню любые тяжести, лишь бы очутиться поближе к пищевым котлам, куда её не подпускали повара...

Зинина сестрёнка Галя проснулась на рассвете, её разбудили

чьи-то голоса. Она открыла глаза и увидела, как Зина и тётя Ира, работавшая официанткой в офицерской столовой, возятся с банкой, которая до этого была спрятана в углу среди кукол. На чёрной этикетке банки были изображены череп и скрещенные кости.

Зина вытащила из банки пакетики.

— А не много ли? — это спрашивала тётя Ира.

— Нет, нет, как раз, — ответила Зина.

В этот день она заменяла заболевшую судомойку. Это облегчило ей доступ к котлам с пищей. Но шеф-повар и его помощник зорко за ней присматривали. Зине даже казалось, что они догадываются о её намерениях и поэтому торчат всё время на кухне.

До завтрака сделать ничего не удалось. Зина с нетерпением ждала, когда начнётся закладка в котлы продуктов на обед.

В зале официантки накрывали столы к обеду. Расставляли цветы, раскладывали на столах приборы. Несколько раз к Зине подходили за чистыми тарелками тётя Ира и двоюродная сестра, комсомолка Нина Давыдова. По грустному лицу Зины они догадывались, что дело плохо. Надо её выручать. Но как? Вызвать главного в зал — это наиболее верный способ. Надо только придумать подходящий повод.

Начался обед. Офицеры занимали места за столиками. Официантки бегали на кухню и обратно, то и дело подбрасывая в окошко грязную посуду.

Вдруг за одним из столиков поднялся шум. Очкастый офицер, ковыряясь вилкой в тарелке, спрашивал у Нины Давыдовой:

— Вас ист дас? Что это такое?

— Бифштекс, господин обер-лейтенант.

— Врёшь, каналья! — обругал её офицер. — Это подошва...

— А при чём тут я? — со слезами в голосе спрашивала официантка. — За пищу, господин обер-лейтенант, отвечает главный повар. Я не виновата, что он пережарил...

— Позови шеф-повара! — потребовал офицер.

Ноги Нины ещё никогда не бегали так быстро, как сейчас. Несколько мгновений — и шеф-повар предстал перед обер-лейтенантом.

Зина осталась наедине с помощником главного, мешковатым и малоподвижным ефрейтором Кранке. Покуда обер-лейтенант распекал шеф-повара, Кранке вертелся у плиты, где жарились котлеты.

— Эй, клейне медхен, — услышала вдруг Зина голос ефрейтора. — Дрова! Принеси дрова, шнеллер!..

«Вот он... момент. Не упустить. Не опоздать», — шептала про себя девочка, устремившись с охапкой дров к котлам.

Покамест повар, согнувшись, накладывал в топку поленья, Зина успела всыпать в котел порошок.

Спустя два дня на военном кладбище вблизи Оболи хоронили более ста офицеров, обедавших в тот день в столовой.

У гитлеровцев не было прямых улик против Зины. Боясь ответственности, шеф-повар и его помощник утверждали на следствии, что они и на пушечный выстрел не подпускали к пищевым котлам девочку, заменявшую судомойку. На всякий случай они заставили её попробовать отравленный суп. «Если откажется, — решили повара, — значит, она знает, что пища отравлена».

Зина как ни в чём не бывало взяла из рук шеф-повара ложку и спокойно зачерпнула суп.

— Медхен, капут... капут!.. — громко вскрикнул ефрейтор.

Зина не выдала себя и сделала небольшой глоток. Вскоре она ощутила поташнивание и общую слабость.

— Гут, гут, — одобрил её поведение шеф-повар, похлопав по плечу. — Марш нах хаузе...

С трудом Зина добралась до деревни. Выпила у бабушки литра два сыворотки. Немного стало легче, и она заснула.

Чтобы уберечь Зину от возможного ареста, подпольщики переправили её ночью к партизанам в лес.

*

В партизанском отряде Зина стала разведчицей. Она научилась метко стрелять из трофейного оружия, захваченного у гитлеровцев. Ходила добывать сведения о численности вражеских гарнизонов в местечке Улла и деревне Леоново. Несколько раз девочку отправляли для связи и в Оболь, где активно действовали юные подпольщики: то взорвали водокачку, то подожгли склады со льном и продовольствием, то пустили под откос воинский эшелон с бомбами и снарядами.

Фашисты были уверены, что листовки, газеты, взрывы и поджоги — это дело рук партизан, скрывавшихся в Шашанском лесу. Бросали в лес карателей расправиться с партизанами. Солдаты прочёсывали лес,

но никого не находили: кто-то вовремя предупреждал партизан, и те перебирались в другое место — поглубже, в недоступную топь.

А в Оболи по-прежнему продолжались взрывы и поджоги.

«Кто же нам вредит?» — ломали голову офицеры службы безопасности. Они никак не могли предположить, что в этом замешаны дети, вчерашние ученики Обольской средней школы, разгуливающие по улицам с измазанными черникой и земляникой физиономиями.

Два года юные подпольщики вели тайную войну против фашистов. Долго и тщетно гитлеровцы старались напасть на их след, пока им не помог в этом провокатор — бывший ученик Обольской школы Михаил Гречухин, дезертир Советской Армии.

Он выдал гестапо двенадцать участников подпольной организации.

Прошло несколько месяцев, и командование партизанским отрядом послало Зину установить связь с оставшимися в живых подпольщиками.

Возвращаясь обратно, она напоролась на засаду.

Её привели к начальнику Обольской фашистской полиции Экерту.

— Кто такая?

— Мария Козлова. Работница кирпичного завода.

— Так, так... Мария Козлова.

Экерт вышел на минуту, оставив Зину наедине с часовым. И тут же вернулся. За ним шагал Гречухин.

На очной ставке предатель с наглой улыбкой спросил:

— А, Зинаида Портнова! Давно ты переменила свою фамилию?

Так он выдал Зину.

В тюрьме её били, пытали. Старались узнать, кто её товарищи по подполью, но она молчала. Ничего не добившись, полиция передала её на расправу гестаповцам.

Допрос вёл сам начальник гестапо капитан Краузе, сутулый немец с большой головой и узким морщинистым лбом.

Когда к нему в кабинет ввели Портнову, гестаповец изумлённо уставился на неё; он не ожидал увидеть... девочку с косичками! «Ну, это же совсем ребёнок!» — отметил про себя Краузе.

— Садись.

Зина села, ничем не выдавая своего волнения. Она быстрым взглядом окинула просторный, уютно обставленный кабинет, железные решётки на окнах, плотно обитые двери. «Отсюда, пожалуй, не убежишь».

Фашист решил прикинуться ласковым и добрым.

— Фрейлен нужно молоко, масло, белый хлеб, шоколад... Фрейлен любит шоколадные конфеты?

Зина молчала.

Краузе не злился, не кричал, не топал ногами, делал вид, что не замечает её упорного молчания. Улыбаясь, обещал свободу.

— Так, так, не желайш сказать... Нитшево...

Он приказал отвести её не в тюрьму, а в комнату, находившуюся здесь же, в здании гестапо.

Ей принесли обед из двух блюд, белый хлеб, конфеты.

На следующий день утром Портнову снова вызвали к капитану.

Направляясь на допрос, она почувствовала, как тоскливо сжалось сердце.

Следователю в тюрьме она не отвечала — он бил, и каждый удар ожесточал её. Но этот не бьёт. Прикидывается ласковым.

«Не поддавайся!» — настойчиво требовал голос сердца.

С подчёркнутой вежливостью Краузе осведомился, как она себя чувствует в новой обстановке.

— Это всё мельочи, — сказал он, не дождавшись её ответа. — Один небольшой услюга — и ты идёшь домой. Скажи, кто твой товарищ, твой руководители?

Переждав минуту, гестаповец продолжал:

— Ты, конечно, сделаешь нам услюга. Да? И мы не будем в дольгу... Я знаю, в Петербурге, ну, по-вашему, в Ленинграде, у тебя есть мама, папа. Хочешь, мы везём тебя к ним. Это теперь наш город. Говори...

Краузе курил сигарету, опираясь рукой на подлокотник кресла, курил медленно, будто нехотя выпуская дым. Он не сомневался в успехе: «Девочка должна заговорить».

А Зина молчала. Она хорошо знала, что Ленинград не отдали фашистам, что её город борется и победит.

За окном шумел осенний ветер. И скоро шум перерос в грохот. По улице шли фашистские танки.

Капитан, подойдя к окну, отдёрнул занавеску.

— Смотри, какие мы сильные! — гестаповец произнёс это тоном победителя.

Зина молчала.

Тогда капитан изменил тактику допроса и перешёл от уговоров к угрозам. Он вытащил из кобуры пистолет, повертел его в руках и положил на стол. Зина взглянула на пистолет...

— Ну-с, фрейлен, — капитан снова поднял, словно взвешивая, пистолет. — Здесь есть маленький патрон. Одна пуля может поста-

вить точку в нашем споре и в твоей жизни. Разве не так? Тебе не жалко жизнь?

Краузе опять положил пистолет на стол.

Прошло несколько минут.

— Ну, я жду. Чего ты молчишь?.. Подойди ближе, Зинаида Портнова.

Зина приблизилась.

— Я уверен, Портнова, — зашептал он, — что ты не коммунист, не комсомолька.

— Ошибаетесь, господин палач! — впервые за всё время допросов выкрикнула Зина. — Я была пионеркой. Сейчас — комсомолка.

Лицо гестаповца передёрнулось, ноздри побелели. Он размахнулся и ударил девочку кулаком в грудь. Зина отлетела назад, стукнулась головой о стену. Маленькая, худенькая, она тут же поднялась и, выпрямившись, снова твёрдо стояла перед фашистом.

— Нет, я не буду тебя стрелять, Портнова! — заорал Краузе. — Я знаю достоправильно, это ты отравила наших офицеров. Я буду тебя вешать...

И сев за стол, начальник гестапо начал сочинять постановление о повешении.

На улице просигналила легковая машина и, резко затормозив, остановилась у дома. Краузе сорвался с места, кинулся к окну взглянуть, кто приехал.

Зина, будто кошка, бросилась к столу и схватила пистолет. Краузе не успел ещё осознать, что произошло, как девочка навела на него его же оружие. Выстрел — и фашист, неестественно скособочась, упал на пол. Вбежавший на выстрел офицер был также убит наповал.

Зина устремилась в коридор, выскочила во двор, а оттуда в сад. По липовой аллее она побежала к берегу реки. За рекой — лес. Только бы успеть добежать.

Но за ней уже гнались солдаты. Одного из них она уложила метким выстрелом. Второй продолжал догонять. Зина обернулась, опять нажала спусковой крючок...

Выстрела нет. В обойме кончились патроны.

Её схватили на самом берегу реки.

...Зину расстреляли январским утром подле невысокой сосны во Второй Баравухе, под Полоцком.

Залп разорвал морозный воздух. Сосна дрогнула, несколько сучков упали вниз на снег. Они легли рядом с ещё тёплым телом девочки из Ленинграда, шагавшей в бессмертие.

Немало подвигов совершили пионеры в годы Отечественной войны. Каждый из них по-своему величественен и неповторим. Но подвиг маленькой партизанки совершенно изумителен, легендарен.

Зина Портнова удостоена в нашей стране самой большой награды. Ей присвоено звание Героя Советского Союза. В Москве, Ленинграде, Минске, во многих других городах и деревнях пионерские отряды и дружины с гордостью носят её имя.

Про Зину Портнову пишут книги, пьесы, слагают стихи.

Острый резец высек имя юной героини на камне обелиска.

Я видел этот памятник. Он установлен на автостраде, у перекрёстка дорог, ведущих туда, где действовали обольские подпольщики.

Я стоял возле обелиска, вновь и вновь перечитывал имена героев, отдавших свою недолгую жизнь за счастье живых, и невольно вспомнились мне слова Максима Горького:

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

*

Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота присвоено имя Зины Портновой.

20 к.

Для младшего школьного возраста

Набатов Григорий Осипович

ЗИНА ПОРТНОВА

Художник В. Юдин

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор О. Ведерников
Технический редактор Е. Соколова. Корректор С. Бланкштейн.
Сдано в производство 22.11.77 г. Подписано в печать 11.12.78 г. 60×90 1/8. офс. № 1. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,97
Печать офсет. Гарн. «джил-санс». Тираж 150 000. Изд. № 872. Заказ № 672. Цена 20 коп.
По оригиналам издательства «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68
Московский комбинат игрушек Российского промышленного объединения по производству игрушек «Роспромигрушка»
Министерства легкой промышленности РСФСР. Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28.

Н $\frac{70802-395}{М\ 102\ (03)-79}$ без объявл.

